

1

— Панта, вставай, — говорит Почита. — Уже восемь, Панта, пора.

— Восемь? Ах, черт возьми, как хочется спать, — зевает Панта. — Ты перешила мне нашивки?

— Да, мой лейтенант. — Почита вытягивается по стойке смирно. — Ой, прошу прощения: мой капитан! Пока не привыкну, придется тебе походить в лейтенантах, милый. Вот смотри, какая красота. Да вставай же ты, наконец, ведь тебя вызывали?

— Да, к девяти. — Панта намазывается помазком. — Куда нас пошлют, Поча? Подай, пожалуйста, полотенце. Как ты думаешь, лапочка, куда?

— Сюда, в Лиму. — Почита смотрит на серое небо, Почита смотрит на плоские крыши, на машины, на прохожих. — Вот не хочу, а так и рвется с языка: Лима, Лима, Лима.

— О Лиме не мечтай и думать забудь. — Панта смотрится в зеркало, Панта завязывает галстук. — Куда-нибудь в Трухильо или Такну — и то радуйся.

— Занятные вещи пишут в «Комерсио». — Почита строит гримаску. — В Летисии какой-то тип сам себя распял на кресте — видите ли, возвестил конец света. Его заперли в сумасшедший дом, а люди силой оттуда вызволили — считают: святой. Летисия — это где-то в сельве, в Колумбии как будто?

— До чего же ты хорош капитаном, сынок. — Сеньора Леонор ставит на стол мармелад, хлеб, молоко.

— Да, теперь эти земли принадлежат Колумбии, а раньше — Перу, они их у нас отобрали. — Панта намазывает маслом поджаренный хлеб. — Еще немного кофе, мама.

— Вот бы послали опять в Чиклайо. — Сеньора Леонор смахивает крошки на тарелку и убирает со стола скатерть. — Что ни говорите, там было очень неплохо, разве не так? По мне, главное — поближе к побережью. Ну иди, сынок, желаю удачи и благоговяю тебя.

— Во имя Отца, Святого Духа и Сына, который умер на кресте. — Брат Франсиско возводит глаза к ночи, брат Франсиско опускает глаза к факелам. — Руки мои повязаны, костер — высшая милость, следуйте мне!

— Меня вызывал полковник Лопес Лопес, сеньорита, — говорит капитан Панталеон Пантоха.

— Там еще два генерала. — Сеньорита строит глазки. — Входите, капитан. Да, в эту дверь, в коричневую.

— А вот и он. — Полковник Лопес Лопес поднимается. — Входите, Пантоха, поздравляю вас с новой нашивкой.

— Лучшие отметки на экзаменах, комиссия была единодушна. — Генерал Викториа жмет ему руку, генерал Викториа хлопает его по плечу. — Bravo, капитан, перед вами широкая дорога, родина с надеждой взирает на вас.

— Садитесь, Пантоха, — генерал Кольасос указывает ему на диван. — Садитесь поудобнее да держитесь крепче, сейчас мы вам кое-что сообщим.

— Не пугай ты его, бога ради, Тигр, — машет руками генерал Викториа, — он решит, что мы посылаем его на бойню.

— Раз начальство самолично пожаловало сюда, чтобы сообщить ему о новом назначении, значит, дело важное, всякому понятно. — Полковник Лопес Лопес принимает серьезный вид. — Да, Пантоха, речь идет о довольно деликатном деле.

— Присутствие высоких начальников для меня честь. — Капитан Пантоха щелкает каблуками. — Черт подери, вы меня заинтриговали, мой полковник.

— Закурите? — Тигр Кольясос достает сигареты, Тигр Кольясос протягивает зажигалку. — Да не стойте же, садитесь. Как? Вы не курите?

— То-то и оно, раз в жизни Служба безопасности не промахнулась. — Полковник Лопес Лопес поглаживает фотокопию. — Вот он какой: не пьет, не курит, по сторонам не заглядывается.

— Офицер без пороков! — восторгается генерал Викториа. — Наконец-то: вот кто будет представлять вооруженные силы в раю, рука об руку со святой Росой и святым Мартином де Порресом.

— Не надо преувеличивать. — Капитан Пантоха краснеет. — Есть и у меня пороки, просто вы о них еще не знаете.

— Мы знаем о вас больше, чем вы сами. — Тигр Кольясос снова вынимает и кладет на стол папку. — У вас бы глаза на лоб полезли, узнай вы, сколько времени мы посвятили изучению вашей жизни. Нам известно, что вы делали, чего вы не делали и даже — что вы будете делать, капитан.

— Ваш послужной список мы знаем назубок. — Генерал Викториа открывает папку, генерал Викториа тасует карточки, перебирает формуляры. — За всю офицерскую службу ни одного наказания, а кадетом — лишь несколько мелких штрафов. Потому на вас и пал выбор, Пантоха.

— На вас — из почти восьмидесяти офицеров Интендантской службы. — Полковник Лопес Лопес поднимает бровь. — Полное право имеете распустить павлиний хвост.

— Благодарю вас, что так хорошо обо мне думаете. — Капитан Пантоха опускает глаза долу. — Я сделаю все, чтобы оправдать это доверие, мой полковник.

— Капитан Панталеон Пантоха? — Генерал Скавино встряхивает трубку. — Очень плохо тебя слышу. Что? Зачем ты мне его посылаешь, Тигр?

— В Чиклайо вы сохранили по себе прекрасную память. — Генерал Викториа листает доклад. — Полковник Монтес чего только не делал, лишь бы оставить вас у себя. Говорят, вашими стараниями жизнь в казармах шла как часы.

— «Прирожденный организатор, с математическим чувством порядка, талантливый исполнитель, — читает Тигр Кольасос. — Административную работу в полку вел четко и с подлинным вдохновением». Индеец Монтес был просто без ума от вас.

— Сколько похвал, я, право, смущен. — Капитан Пантоха потупился. — Я выполнял долг — только и всего.

— Какая рота? — Генерал Скавино хохочет. — Со мной, Тигр, это не пройдет. От ваших шуток польсешься. Только не забывай — я уже лыс как колено.

— Ладно, возьмем быка за рога. — Генерал Викториа прикладывает палец к губам. — Строжайшая тайна. Я говорю о миссии, которую мы вам поручаем, капитан. Раскрой ему карты, Тигр.

— Короче говоря, войска, которые служат в сельве, портят женщин направо и налево. — Тигр Кольасос переводит дух, Тигр Кольасос моргает и откашливается. — Насилуют почем зря, трибуналы не справляют-

ся — столько работы, такое творится безобразие. Вся Амазония взбудоражена.

— Нас бомбардируют рапортами и доносами, — ребит бородку генерал Викториа. — До чего дошло — из самых захудалых селений прибывают ходоки с протестами.

— Ваши солдаты бесчестят наших женщин. — Алькальд Пайва Рунуи крутит в руках шляпу, у алькальда Пайвы Рунуи срывается голос. — Несколько месяцев назад опозорили мою крошку-свояченицу, на прошлой неделе обесчестили мою супругу.

— Это не мои солдаты, это солдаты Нации. — Генерал Викториа успокаивает его, машет руками. — Тише, тише, сеньор алькальд. Сухопутные силы глубоко сожалеют по поводу эпизода с вашей свояченицей и по возможности постараются возместить потери.

— Как, изнасилование теперь всего-навсего эпизод? — расстраивается отец Бельтран. — Ведь изнасиловали же.

— Флореситу схватили двое в форме и при оружии у ворот фермы и повалили прямо на дороге. — Алькальд Теофило Морей грызет ногти, алькальд Теофило Морей подскакивает на стуле. — И не промахнулись — она забеременела, генерал.

— Вы мне покажете этих разбойников, сеньорита Доротеа, — рычит полковник Петер Касауанки. — Да не плачьте, не плачьте, я все улажу, увидите.

— Вы думаете, я смогу? — всхлипывает Доротеа. — Одной выйти к этим солдатам?

— Их построят тут, перед караульной. — Полковник Максимо Давила прячется за металлическую решетку. — Вы будете смотреть на них из окна и, как заметите насильников, сразу подадите мне знак, сеньорита Хесус.

— Насильники? — брызжет слюной отец Бельтран. — Скопище развратников, мерзавцы, жалкое отребье — вот они кто! Сотворить такое бесчинство над доньей Асунтой! Так опозорить мундир!

— Мою служанку Луису Канепу сперва уестествил сержант, за ним — капрал, а напоследок — рядовой необученный. — лейтенант Бакакорсо протирает очки. — Та вошла во вкус, стала профессионалкой и теперь занимается этим под кличкой Печуга, и сутенер у нее есть, по прозвищу Стомордый.

— Ну-ка, покажите мне, сеньорита Долорес, за кого из этих голубчиков вы хотите замуж. — Полковник Аугусто Вальдес прохаживается перед тремя вытянувшимися новобранцами. — Капеллан мигом вас обвенчает. Ну, выбирайте, выбирайте папу своему ребеночку.

— Мою жену — прямо в церкви... — Плотник Андриано Ларке неподвижно застыл на кончике стула. — Нет, сеньор, не в соборе, а в церкви Святого Иисуса Багасанского.

— Вот так, дорогие радиослушатели, — негодует Синчи. — Этих похотливых святотатцев не удержал ни страх Божий, ни должное почтение к святому храму, ни благородные седины этой достойнейшей матроны, давшей жизнь представителям двух поколений наших земляков.

— Они меня как заприметили, Господи Иисусе, тут же и хотели повалить на пол, — плачет сеньора Кристина. — Навалились пьяные, а уж какие мерзости говорили. И все это перед главным алтарем, истинный крест!

— Самую милосердную душу во всем Лорето, мой генерал, — грохочет отец Бельтран, — пять раз оскорбили!

— И еще его дочку, его племянницу, его крестницу — знаю я все это, Скавино, — стряхивает перхоть с плеча Тигр Кольасос. — С кем этот отец Бельтран, в конце концов, — с нами или с ними? Разве он не армейский капеллан?

— Я протестую как священник и как солдат, мой генерал. — Майор Бельтран втягивает живот, майор Бельтран выпячивает грудь. — Эти нечестивцы наносят ущерб не только жертвам, но и самой армии.

— Разумеется, очень скверные намерения были у рекрутов по отношению к даме. — Генерал Викториа улыбается, генерал Викториа сдается, просит прощения. — Но ведь и родственники, не забывайте, чуть не забили их палками до смерти. Вот передо мной медицинское заключение: перелом бедра, гематомы, порваны уши. На этот раз ничья, дорогой доктор.

— В Икитос? — Почита перестает брызгать на рубашку и ставит утюг. — Ой, как далеко нас посылают, Панта.

— Дерево дает тебе огонь, на котором ты готовишь пищу, из дерева дом, в котором ты живешь, постель, на которой спишь, и плот, на котором переплываешь реку. — Брат Франсиско нависает над лесом неподвижных голов, жадно обращенных к нему лиц, распахнутых рук. — Из дерева ты делаешь гарпун, которым добываешь рыбу, орудие, с которым охотишься на зверя, и ящик, в котором хоронишь мертвых. Братья! Братья! Следуйте мне, преклоните колени!

— Тут, Пантоха, куда ни кинь — всюду клин, — качает головой полковник Лопес Лопес. — В Контамане алькальд обратился к населению с призывом запирать женщин на замок в дни, когда у солдат увольнение.

— Главное — далеко от моря. — Сеньора Леонор берет иголку, вдевает нитку и откусывает ее зубами. —

Москитов там, наверное, в сельве-то? Ты знаешь, москиты для меня хуже смертной казни.

— Посмотрите список, — трет лоб Тигр Кольасос. — За год сорок три забеременели. Десятка два из них обвенчали священники отца Бельтрана, но, разумеется, чтобы искоренить зло, нужны меры более радикальные, насильственные браки дела не решат. По сей день ни наказания, ни расправы картины не изменили: сельва превращает солдата в бешеное животное.

— По-моему, тебе совсем не по душе это назначение, дорогой. — Почита раскрывает, вытряхивает чемоданы. — Почему, Панта?

— Должно быть, это от жары, от климата, как вы думаете? — оживает Тигр Кольасос.

— Очень может быть, мой генерал, — бормочет капитан Пантоха.

— Жара, влажность, такая природа вокруг, — облизывает губы Тигр Кольасос. — Со мной всегда так: стоит попасть в сельву, сразу чувствую: внутри будто огонь и кровь в венах закипает.

— Вот бы генеральша тебя услышала, — смеется генерал Викториа, — полетели бы пух и перья.

— Сначала мы думали, это от еды, — генерал Кольасос хлопает себя по животу, — острые приправы в рационе возбуждают сексуальный аппетит.

— Мы посоветовались со специалистами, был даже один швейцарец, он стоил нам кучу денег. — Полковник Лопес Лопес подкрепляет слова жестом. — Швейцарец-диетолог, весь в титулах.

— Pas d'inconvénient*. — Профессор Бернар Лаэ делает записи в книжечке. — Мы составим такую диету,

* Никаких затруднений (фр.). — Здесь и далее примечания переводчика.

которая будет содержать необходимое количество протеинов, но снизит либидо солдат на восемьдесят пять процентов.

— Не перегните палку, доктор, — бормочет Тигр Кольасос. — Армия из евнухов нам тоже не нужна.

— Икитос... Икитос... Я — Орконес. — Лейтенант Сантана в нетерпении. — Срочное сообщение. Операция «Швейцарский паек» не дала ожидаемых результатов. Мои люди оголодали, болеют туберкулезом. Сегодня двое на переключке упали в обморок, мой майор.

— Какие шутки, Скавино. — Тигр Кольасос, зажав телефонную трубку между плечом и ухом, закуривает сигарету. — Мы тут ломали голову — выход один. По-сылаем тебе нашего Пантоху вместе с матерью и женой. Желаем успеха.

— Мы с Почитой свыклись с этой мыслью и счастливы, что едем в Икитос. — Сеньора Леонор складывает носовые платки, сеньора Леонор приводит в порядок юбки, упаковывает туфли. — А ты что-то совсем завял. В чем дело, сынок?

— Вы тот самый человек, Пантоха. — Полковник Лопес Лопес поднимается и заключает его в объятия. — Вы положите конец этой кутерьме.

— И потом, это все-таки город, Панта, и, говорят, красивый. — Почита выбрасывает обрезки, Почита завязывает узелок, закрывает коробку с шитьем. — Не делай такого лица, бывает хуже — могли послать в какую-нибудь дыру.

— По правде говоря, полковник, я не представляю себе — как. — Капитан Пантоха сглатывает слюну. — Но я, разумеется, сделаю все, что прикажут.

— Перво-наперво — отправиться в сельву. — Полковник Лопес Лопес берет карандаш и отмечает место на карте. — Центром всех операций будет Икитос.

— Возьмем быка за рога и покончим с проблемой. — Генерал Викториа ударяет кулаком о ладонь. — Потому что, как вы, конечно, догадались, Пантоха, дело не только в том, что потоптали сеньорит.

— Но и в том, что солдаты вынуждены при этой вводящей в грех жарнице жить как непорочные голубки. — Тигр Кольасос шелкает языком. — Чтобы служить в сельве, нужно мужество, Пантоха, большое мужество.

— В Амазонии на каждую юбку есть свой хозяин, — вступает полковник Лопес Лопес. — Там нет ни блудниц, ни девочек-простушек — ничего подобного.

— Целую неделю солдаты проводят взаперти, несут службу в глуши, мечтают об увольнительной, — дает волю воображению генерал Викториа. — Потом отшагают километры до ближайшего селения. А там что?

— Ничего, абсолютно ничего, потому что, черт подери, женщин нет, — пожимает плечами Тигр Кольасос. — И вот тогда они теряют узду и после первой же рюмки, как пума, бросаются на то, что подвернется.

— Бывали случаи гомосексуализма и даже скотоложства, — уточняет полковник Лопес Лопес. — Представьте, одного капрала из Оркопеса zaseкли на интимных отношениях с обезьяной.

— Обезьяна отзывается на дурацкую кличку Утеха пятой роты, — сдерживает смех лейтенант Сантана. — Вернее, отзывалась — я пристрелил ее. А подонок в карцере, мой полковник.

— Другими словами, воздержание ведет к чудовищному разложению, — говорит генерал Викториа. — К падению морального духа, к неврозам, апатии.

— Надо дать пищу этим голодающим, Пантоха. — Тигр Кольасос торжествующе смотрит ему прямо в глаза. — И вот являетесь вы, вам есть где развернуться, куда применить свой организаторский талант.

— Ну что ты как в воду опущенный и молчишь все время? — Почита прячет билет в бумажник, Почита спрашивает, где выход к самолетам. — Там большая река, мы будем купаться, будем гулять, навещать дикие племена. Ну, не вешай носа, глупыш.

— Что с тобой, ты сам не свой, сынок. — Сеньора Леонор смотрит на облака, сеньора Леонор оглядывает пропеллеры, деревья. — За всю поездку рта не раскрыл. Что тебя так заботит?

— Ничего, мама, ничего, Почита. — Панта застегивает привязные ремни. — Все в порядке. Смотрите, подлетаем. Это, должно быть, Амазонка?

— Все эти дни ты ходил сам не свой. — Почита надевает очки от солнца, Почита снимает пальто. — Ни слова не проронил, спал на ходу. Ой, жара как в преисподней. Никогда не видела тебя таким, Панта.

— Я немного нервничал с этим новым назначением, но теперь все прошло. — Панта вынимает бумажник, Панта протягивает деньги шоферу. — Да, уважаемый, дом пятьсот сорок девять. Отель «Лима». Погоди, мама, я помогу тебе выйти.

— Ты же военный. — Поча кидает дорожную сумку на стул, Поча разувается. — И знал — тебя могут послать куда угодно. Икитос не так уж плох, Панта, довольно симпатичное местечко.

— Ты права, я вел себя как дурак. — Панта открывает шкаф, Панта вешает форму, вешает штатский костюм. — Наверное, меня слишком избаловали в Чиклайо; ладно, с этим покончено. Так, начнем разбирать чемоданы. Ну и теплынь тут; как ты, лапочка?

— Я бы так из отеля и не выходила. — Поча навзничь ложится на постель, Поча потягивается. — Всё тебе сделают, ни о чем не надо беспокоиться.

— В таком вот отеле и заделать маленького Пантоху, кадета Пантоху, как ты на это смотришь? — Панта снимает галстук, сбрасывает рубашку.

— Кадета Пантоху? — Почита открывает глаза, Почита расстегивает блузку, приподымается на локте. — Ты серьезно? Теперь мы сможем себе это позволить, Панта?

— Я же тебе обещал — когда получу третью нашивку. — Панта расправляет брюки, Панта складывает их, вешает. — Пусть он у нас будет уроженцем провинции Лорето, согласна?

— Чудесно, Панта. — Почита смеется, Почита хлопает в ладоши, подсакивает на постели. — Какая прелесть, маленький кадетик, Пантосик Младший.

— Надо заняться этим поскорее. — Панта раскрывает объятия, Панта тянет к ней руки. — Чем скорее начнем, тем скорее он появится. Иди сюда, лапочка, где ты там прячешься?

— Что ты, что ты. — Почита соскакивает с постели. Почита бежит в ванную. — С ума сошел?

— Иди, иди сюда, займемся кадетиком. — Панта спотыкается о чемодан, Панта опрокидывает стул. — Прямо сейчас. Иди сюда, Почита.

— Что ты, Панта, в одиннадцать часов утра, что ты, не успели приехать. — Почита машет руками, Почита отстраняется, отталкивает его, сердится. — Пусти, мама услышит.

— Надо обновить Икитос, обновить отель. — Панта тяжело дышит, Панта пытается ее обнять, удержать, устоять на ногах. — Иди ко мне, любовь моя.

— Ну вот: за что боролись, на то и напоролись. — Генерал Скавино размахивает циркуляром, сплошь в подписях и печатях. — Вы тоже виноваты, майор Бельтран, полюбуйтесь-ка, что собирается организовать в Икитосе этот субъект.

— Ты мне юбку порвешь. — Почита прячется за шкаф, Почита обороняется подушкой, просит оставить ее в покое. — Прямо не узнаю тебя, Панта, такой всегда благовоспитанный, что с тобой? Ну пусти, я сама сниму.

— Я хотел врачевать, а не творить зло, — в страшном смущении читает и перечитывает майор Бельтран. — Кто бы мог подумать, что лекарство окажется злее самой болезни, мой генерал. Непостижимо, мерзко! Вы допустите этот ужас?

— Лифчик, чулки... — Панта переводит дух, Панта срывает, отбрасывает в сторону. — Тигр был прав: от этой влажной жары внутри все равно как огонь и кровь закипает. Ну, ущипни меня, как я люблю. За ушко, Почита.

— Мне стыдно днем, Панта. — Почита вздыхает, Почита забивается под одеяло. — Ты потом заснешь, а разве тебе не надо к трем в комендатуру? Ты всегда потом засыпаешь.

— Ничего, приму душ. Не разговаривай со мной, не отвлекай. Лучше ущипни меня за ушко. Ой, вот так. Умираю, лапонька; где я?.. кто я?..

— Кто вы, я прекрасно знаю, и знаю, зачем вы прибыли в Икитос, — рокошет генерал Висенте Скавино. — И с места в карьер скажу вам, что не испытываю никакой радости по поводу вашего приезда. Чтоб все было ясно с самого начала, капитан.

— Прошу прощения, мой генерал, — лепечет капитан Пантоха. — Какое-то недоразумение...

— Я против роты, которую вы собираетесь сформировать. — Генерал Скавино подставляет лысину под вентилятор, прикрывает глаза. — Я был против с самого начала и сейчас считаю это чушью.

— И главное — нет слов как аморально. — Отец Бельтран в ярости обмахивается веером.